

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: К ИСТОРИИ КОНЦЕПТА

ТИМОНИН Анатолий Николаевич

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru*

Благоприятные условия для формирования теории социального государства появились только тогда, когда оба феномена: государство и общество стали различаться и терминологически и концептуально. Понятие общества довольно часто использовалось в качестве синонима другого понятия – «государство», именно это понятие выступало и как название будущей цели, и как интегральный способ осмысления содержания и результатов прошлых процессов, связанных с благотворительностью и благосостоянием. Идея социального государства своими корнями уходит в глубокую древность. Довольно ярко она проявила себя в деятельности афинского реформатора Солона и его родственника Писистрата, в необычайно активной социальной политике Византии. В новых исторических условиях данная идея особенно активно и плодотворно стала разрабатываться немецким ученым Лоренцом фон Штайном, руководившимся гегелевской философией. Увлечение Гегелем, его понятиями и методологией поначалу позволяли Штайну проникнуть в суть социальных и политических явлений, но мере развития научной мысли Гегель и гегельянцы стали утрачивать былую популярность у формирующейся социал-демократии Германии. Не способствовала этому и полемика Штайна с Робертом фон Модем, соавтором концепции правового государства. В конечном итоге наибольшего успеха на родине духовного отца теории социального государства добились те авторы, кто подобно Адольфу Вагнеру не противопоставлял идеалы: социального государства правовому, а соединял их.

Ключевые слова: идея социального государства, Лоренц фон Штайн, теория социального государства, государство всеобщего благоденствия.

Исторически сложилось так, что термин «социальное государство» появляется в Германии, охваченной процессами модернизации, индустриализации, активизации рабочего движения и обнаруживает себя в трудах Лоренца Штайна. Его терминологические аналоги в англосаксонском мире получили название: «государство всеобщего благоденствия», «государство благосостояния» от английского «Welfare State». О терминах ныне мало кто спорит. Иное дело понятие «социальное государство»: одни утверждают, что оно не могло появиться ранее

эпохи модерна; другие же, рассматривая его в качестве социальной версии идеального государства, относят истоки такого государства к эпохе древности.

Такая точка зрения не представляется совершенно бесосновательной хотя бы потому, что острейшая необходимость радикальных социальных реформ сознавалась и в античной Греции. Ярчайшим свидетельством тому служат знаменитые реформы Солона, умудрившегося за год провести в Афинах более ста реформ. Он смог обеспечить демосу доступ не только к собственности, но и к власти, спасти родной полис от гражданской войны. На родине реформатора даже его преемник – тиран Писистрат не посягал на законодательство своего родственника. Не случайно афиняне, с ностальгией вспоминая о времени его правления, не раз повторяли: «Тирания Писистрата – это жизнь про Кроносе». Не могли остаться равнодушными и величайшие мыслители античности.

Размышляя об идеальном государстве, Платон явно находился под влиянием начинаний Солона. Наиболее оптимальной политической формой, более всех других способной обеспечить согражданам «благую жизнь», Аристотель считал «политию» – умеренную демократию. Но их идеалам не суждено было сбыться. Вскоре вся Греция, разделенная на мелкие города-государства, была захвачена государствами-империями. Поэтому грекам пришлось надолго отложить попытки реализации какого-либо проекта государства.

Руководствуясь христианской парадигмой, средневековые греки смогли приступить к осуществлению желанной цели. Лучше всех обобщить весь теоретический фундамент новой, теперь уже византийской семьи народов и государств, выразить его в предельной точной и лаконичной формуле удалось Константину Философу: «Наше царство не римское, а Христово» [1, с. 24-25]. Налицо разрыв между двумя империями: языческой Римской и христианской Византийской, проявляющийся в образе «царства небесного». Несмотря на все чудовищные преступления, на все гнусные деяния, свершаемые собственной верхушкой «...простые люди империи верили, что Византия – священная земная империя и её благочестивый император представляет Бога перед людьми и людей перед Богом». Без констатации этой непоколебимой убежденности византийского простонародья трудно понять: почему «в течение одиннадцати веков – от первого Константина до одиннадцатого – конституция христианской Римской империи, была по сути неизменна» [2, с. 227].

Христианские идеалы определяли всю жизнедеятельность государства, церкви и общества. Не стала исключением в этом плане и социальная сфера – вся империя покрылась приютами для сирот и вдов, госпиталями для бездомных и нищих, больницами для прокаженных и немощных. В одной только имперской столице с 325 по 843 гг. существовало 59 странноприимных домов, 49 больниц, 22 приюта для неимущих, 10 домов для престарелых, 8 бань и зернохранилищ, 7 родильных домов, 6 лепрозориев, 2 детских дома и 1 дом для слепых [3, с. 622].

Византийский вариант идеального государства был немислим без образа идеального правителя. В число обязательных требований, предъявляемых к та-

кому правителю, византийские авторы неизменно включали верность православию и справедливость. Словно откликаясь на повышенные запросы общества, адресованные правителю, византийские императоры стремились убедить своих подданных в том, что они преследует общую пользу и благоденствие всего государства. Таковы, например, Новеллы известного всему юридическому миру императора Юстиниана. Великие начинания требовали от подданных немалых денег. Небывалый рост налогов вызвал всеобщее недовольство, на фоне которого в Константинополе произошло крупнейшее народное восстание, грозившее уничтожить всю правящую верхушку империи. При Юстиниане налоговый гнет усилился настолько, что многие подданные желали его смерти, и когда это произошло, народные массы встретили известие о кончине великого императора с большим облегчением. Нельзя сказать, что социальная функция империи при Юстиниане сводилась к одной лишь законодательной фиксации пышных определений и высокопарных фраз. Напротив, «в дополнение к роскошным учреждениям, которые он устроил в различных городах и поселках империи, Юстиниан основал или отремонтировал несколько богаделен. Он отремонтировал богадельню, названную в честь св. Романа в Апамии, он построил новую в Босре и восстановил богадельни Куриоса и Святого Конона. Он построил также приют для нищих на эмпориуме в общегородском порту Перги в Памфилии, который он посвятил Святому Михаилу» [4, р. 264].

Конечно же, самый большой приют для бедных существовал в самом большом городе империи – в Константинополе, который располагался около церкви св. Архипа и Филемона [5, р. 416-417]. Существовал здесь и целый комплекс социальных институтов, который был настолько велик, что Анна Комнина, повествуя о благих деяниях своего венценосного отца, свершенных и на социальной почве, называет его «Новым городом». Она сообщает: «Во главе этого многотысячного города стоит попечитель – некий знатный муж, название города – Приют. Приютом он называется благодаря человеколюбию самодержца по отношению к сиротам и бывшим воинам». Тогда же в – XII в. благодаря усилиям Алексея Комнина к приюту было добавлено много зданий, в которых за государственный счет проживало и содержалось множество бедных, слепых, хромых и людей с другими увечьями [6, с. 417-418].

Активная социальная политика в Византии рассматривалась как выполнение священного долга, как обязательство перед Богом и православным людом. Сострадание и милосердие к сирым и убогим, к нуждающимся были обязательны для всех византийцев, желавших после завершения земного пути обрести царство небесное. Забота о состоянии души после смерти была обязательна даже для императора, который должен был подражать Богу в трудах альтруистических не просто ради имитации, но чтобы угодить Всевышнему. Помимо религиозных побуждений благие дела могли свершаться в силу тщеславия, личного интереса, самолюбования, политической целесообразности и других эгоистических соображений.

Много, слишком много всегда было бедных и нищих, в то время как многие богатства по-прежнему оставались в руках немногих. Мало что делалось, чтобы предотвратить бедность как таковую и чтобы бедные стали совершенно независимы от кого-либо в материальном плане. Ни правящие круги всей империи, ни городские власти в провинциях не обеспечили бедным те условия, в которых они могли бы сами позаботиться о себе. В XIV столетии, в эпоху глубочайшего кризиса Византии Георгий Гемист настаивал на том, что только с восстановлением социальной справедливости можно было бы надеяться на подлинное возрождение империи. Все было тщетно: богатые и влиятельные магнаты только усилили эксплуатацию бедных и слабых [4, р. 286]. Самым пагубным для Византии стало открытое предательство магнатами интересов великой державы.

Конечно же, активизация социальной политики периодически наблюдалась не только на Востоке, но и на Западе. Но только тогда, когда оба феномена: государство и общество стали различаться и терминологически и концептуально в странах Западной Европы появились благоприятные условия для формирования теории социального государства. Понятие общества играло существенную роль в обсуждениях социальных проблем и способов их решения. Именно это понятие выступало и как название будущей цели, и как интегральный способ осмысления содержания и результатов прошлых процессов, связанных с благотворительностью и благосостоянием. Совершенно очевидно, что законы, направленные на борьбу с бедностью и нищенством, в Западной Европе появились задолго до социального законодательства Отто фон Бисмарка. Правда со временем, традиционные методы, обычно использовавшиеся для решения социальных проблем, такие как филантропия и «старые законы о бедных», стали неэффективными, а усилия властей улучшить условия жизни людей – недостаточными. Поэтому законы о бедных в течение второй половины XIX в. подверглись модернизации, которая была вызвана приростом населения, урбанизацией и индустриализацией. Особое значение принадлежало новому пониманию гражданских прав, порожденному Великой французской революцией. Повсеместно наблюдалась растущая важность «социальных вопросов», которые сопровождали процесс индустриализации, а борьба за их разрешение стала импульсом, направленным на утверждение социальных прав наряду с политическими правами [7, р. 26]. Все это стало возможным в результате активизации рабочих движений, конфликта интересов, классовой борьбы, достигшей наибольшей остроты во Франции XVIII-XIX вв.

Германский ответ на революционный вызов Франции не заставил себя долго ждать. В Германии, по меньшей мере, с начала XIX в., развивались интенсивные исследования самого феномена «государство» и его различения с «обществом». Одновременно участились поиски варианта общественно-политического развития альтернативного французскому. Лучше всех это удалось профессору Лоренцу Якобу фон Штайну. Уже в первых работах ему удалось доказать, что немцам следует отнестись к социалистическим идеям более

внимательно, изучить их самым пристальным образом, хотя бы потому, что они были глубоко укоренены в европейской интеллектуальной традиции. Как и Гегель, Штайн не только разделял, но и противопоставлял друг другу «государство» и «общество». С точки зрения Лоренца Штайна «жизнь человеческого общежития состоит в постоянном воздействии и противодействии между государством и обществом, эта живая противоположность составляет истинное содержание истории всех народов» [8, с. XXXVII]. Будучи противником радикальных мер, он понимал, что движение к более гармоничному и добродетельному обществу будет долгим. Его подход к решению проблемы взаимодействия между государством и обществом строился на основе и органической концепции. Но все же главной оставалась философия Гегеля, руководствуясь которой он писал: «Государство стоит выше всего, выше общества как самая высокая и независимая власть; однако, развитие каждого человека – своя самая высокая задача» [9, р. 29].

Как и Гегель, он связывал свои сокровенные надежды с монархией. Полагая, что оппозиция монархии невозможна даже теоретически, Штайн утверждал, что пока существует возможность социальных конфликтов, монархии должны преобладать. Германскую монархию он мыслил себе в качестве «монархии социальной». Штайн ясно давал понять, что имел в виду вовсе не абсолютную монархию, избирая монархическую систему в качестве единственного способа устранения напряженности в социальных отношениях. Его монархический выбор свидетельствовал об отчетливо выраженной консервативной позиции.

Размышляя над революционными процессами, происходившими во Франции в 1848 г., он наблюдает прочное соединение социализма с демократией, рождение социал-демократизма, которому суждено великое будущее и в Германии. Только победа социал-демократии над реакционными силами была способна создать более гармоничный общественный строй. Но для того, чтобы эта более высокая стадия была достигнута, социал-демократы должны были сформировать союз с государством. Штайн неоднократно подчеркивал необходимость не революционных изменений, а длительного и медленного процесса реформ. При этом истинная социальная реформа могла произойти только тогда, когда высшие сословия признают её своей самой высокой целью. Один из его важнейших выводов гласит: «С этого времени точно не будет ни чистой демократии, ни чистого социализма; и таким образом центр политической жизни и деятельности перемещается и будет перемещен с конституционного вопроса на административный вопрос» [10, р. 422]. Выдвигая государство на главную роль в разрешении социального вопроса, Штайн пояснял, что этот вопрос окажется в центре внимания правительства, станет постоянным предметом его деятельности. Правительство, которое постоянно включается в работу тогда, когда люди неспособны помочь себе сами, функционирует в качестве целой системы социального правительства. Для достижения этой цели правительство должно активно действовать по меньшей мере в трех областях. Во-первых, оно должно обеспечивать социальную свободу. Второе направление его деятельности – борьба с

бедностью. Третье – обеспечение социального развития общественных классов. Штайн полагал, что создание равных возможностей для представителей всех общественных классов было главным условием для преодоления напряженности в отношениях между классами, которая своими корнями уходит в природу современного государства [11, р. 401-402, р. 443-44].

Увлечение Гегелем, его понятиями и методологией поначалу позволяли Штайну проникнуть в суть социальных и политических явлений, но мере развития научной мысли сугубо академический язык произведений Штайна, основательно пропитанный гегельянством, стал восприниматься широкой научной общественностью Германии как архаический и идеалистический. Примером может служить высказывание Людвиг Гумпловича: «Никогда не было более любопытного соединения идеализма и реализма, как у Штайна. В то время как в формах своей мысли он все еще полностью представляет идеалистическую философию, определенно представляющую диалектический метод Гегеля, в его содержании прорывается до сих пор неизвестный, непримиримый реализм. Штайн – реалист, который пребывает в широкой драпировке идеализма» [12, р. 151].

Идейных лидеров формирующейся германской социал-демократии теперь больше занимали конкретные проблемы осуществления соответствующих социальных реформ, нежели глубокие исторические обобщения и абстрактные теории «духовного отца» германской социальной политики. Духовное родство с Гегелем, переезд в Австрию несколько не способствовали широкой популярности его научных трудов на родине Штайна. Их значение вновь открылось его соотечественникам спустя годы. Как бы то ни было, именно Штайн стал первым писать о том, что «социальный дух» должен проникать не только в деятельность всего правительства, создающего рабочим все условия для развития их умственных и физических способностей, но и в государство в целом.

Современник К. Маркса Лоренц Штайн предложил компромиссное решение социального и рабочего вопросов, которое он назвал «социальной политикой». Такая политика должна была связать социальную сферу с политической (через «социальную администрацию»), сохраняя автономию всех элементов социальной жизни. Иначе говоря, вторгаясь в экономику, семейную жизнь, государство должно применять иные, нежели государство диктатуры пролетариата, методы. В работе «Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии» Штайн утверждает, что государство «должно стремиться к экономическому и общественному прогрессу всех своих членов, так как развитие одного есть условие и следствие развития другого; в этом смысле мы говорим об общественном или социальном государстве» [13, р. 215].

Социальное видение современного государства он противопоставлял научным взглядам своего бывшего наставника – Роберта фон Моля – одного из основателей концепции Rechtsstaat (правового государства). Штайн, порицая его за одномерную, упрощенную трактовку, подчеркивал: «Это худшая концепция государства принадлежит настоящему времени и её представляет, как известно,

Роберт Моль». По мнению Штайна, развитие идеи правового государства характеризовалось повышенным вниманием к конституции страны, дробило целостную науку государствоведения на отдельные сегменты и вытесняло из поля научного дискурса специфически немецкий идеал *Wohlfahrtsstaat* – государства всеобщего благосостояния, государства всеобщего благоденствия. Полемизируя с фон Модем, Штайн писал: «Фундаментальное понятие идеи *eudaemonian* государства просто. Государство существует так, чтобы оно могло, через власть, которая сосредоточена в нем, обеспечивать благосостояние всех граждан в духовном и материальном отношениях» [14, р. 12, 24]. Спустя некоторое время идея *Wohlfahrtsstaat* была подхвачена и получила свое развитие в трудах другого, гораздо более успешного в политической сфере и более популярного в социал-демократической среде, нежели Штайн, немецкого мыслителя – Адольфа Вагнера, соединившего её с идеей правового государства.

Библиографические ссылки

1. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб. : Алетейя, 2001.
2. Рансимен Стивен. Восточная схизма: византийская теократия / авт. предисл. Л.Л. Тайван; РАН. Ин-т востоковедения. М. : Наука: Вост. лит., 1998.
3. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies (Oxford Handbooks)* / Edit. by Elizabeth Jeffreys with John Haldon and Robin Cormack. Oxford: Oxford University Press, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.bookfi.net/book/1383686> (дата обращения: 13.12.2019).
4. Constantelos D.J. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare*. New Brunswick, N.J.: Rutgers university press, 1986. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.book.xyz/book/3416904/72cb2c> (accessed date: 13.12.2019).
5. Janin R. *Constantinople Byzantine*. Paris : Institut francais d'etudes Byzantines, 1950. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=1320440> (дата обращения: 13.12.2019).
6. Комнина Анна. Алексиада / Анна Комнина; Пер. с греч. [и предисл., с. 5-49] Я.Н. Любарского. СПб. : Изд-во Алетейя. 1996.
7. Marian G.S. *European Welfare State in a Historical Perspective. A Critical Review* // *European Journal of Interdisciplinary Studies*. 2015. June. P. 25-38. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ejist.ro/files/pdf/391.pdf> (дата обращения: 13.12.2019).
8. Штейн Лоренц. История социального движения Франции с 1789 года / пер. со 2 нем. изд. Т. 1. / Лоренц Штейн. Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 года. СПб. : тип. А.М. Котомица, 1872.
9. Stein L. v. *Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs; ein Beitrag zur Zeitgeschichte*. Leipzig: Wigand, 1848. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dersocialismusun01steiuoft/page/n8> (дата обращения: 13.12.2019).

10. Stein L. v. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Leipzig: O. Wigand, 1850. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/geschichtederso02steigoog/page/n14> (дата обращения: 13.12.2019).
11. Stein L. v. Handbuch der Verwaltungslehre und des Verwaltungsrechts: mit Vergleichung der Literatur und Gesetzgebung von Frankreich, England und Deutschland / als Grundlage fur Vorlesungen von Dr. Lorenz Stein. Stuttgart: J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1870. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/handbuchderverw00steigoog/page/n7> (дата обращения: 13.12.2019).
12. Guplowicz L. Rechtsstaat und Sozialismus. Innsbruck: Wagner'schen Universitaets-Buchhandlung, 1881. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/rechtsstaatunds00gumpgoog/page/n13> (дата обращения: 13.12.2019).
13. Stein L. v. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands. Stuttgart: J.G. Kotta, 1876. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/gegenwartundzuk00steigoog/page/n10> (дата обращения: 13.12.2019).
14. Stein L. v. Die Verwaltungslehre. Bd. 2 (2, 1). Stuttgart: J.G. Kotta, 1866. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dieverwaltungsl01steigoog/page/n9> (дата обращения: 13.12.2019).

Дата поступления: 03.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.4

SOCIAL STATE: TOWARDS THE HISTORY OF THE CONCEPT

TIMONIN Anatoly Nicolaevich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of theory of State and Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru

Favorable conditions for forming the theory of social state appeared only when the phenomena of the state and society began to differ both terminologically and conceptually. The concept of society was quite often used as a synonym of another concept – “state”, it was this concept that acted both as the name of the future goal and as an integral way of understanding the content and results of past processes related to charity and welfare. The idea of a social state is rooted in deep antiquity. It showed itself rather vividly in the activities of the Athenian reformer Solon and his relative Pisistrat, in the surprisingly active social policy of Byzantium. In the new historical conditions, German scientist Lorentz von Stein, guided by the Hegelian philosophy, especially actively and fruitfully developed this idea. Stein was captured by Hegel, his concepts and methodology and it initially allowed Stein to penetrate the essence of social and political phenomena, but as scientific thought developed, Hegel and Hegelians began to lose their former popularity with emerging social democracy in Germany. Stein's controversy with Robert von Mole, co-author of the concept of the rule-of-law state,

did not contribute to this. In the end, those authors who, like Adolf Wagner, did not oppose ideals of the social and rule-of-law states, but connected them, achieved the greatest success in the homeland of the spiritual father of the theory of social state.

Key words: idea of social state, Lorenz von Stein, theory of social state, welfare state.

References

1. Medvedev I.P. *Pravovaya kul'tura Vizantiyskoy imperii* (Legal culture of the Byzantine Empire). St. Petersburg, Aleteyya, 2001.
2. Ransimen Stiven. *Vostochnaya skhizma: vizantiyskaya teokratiya* (Eastern Schism: Byzantine Theocracy), avt. predisl. L.L. Tayvan, RAN. In-t vostokovedeniya. Moscow, Nauka, Vost. lit., 1998.
3. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* (Oxford Handbooks), Edit. by Elizabeth Jeffreys with John Haldon and Robin Cormack. Oxford, Oxford University Press, 2008. Available at: <http://en.bookfi.net/book/1383686> (accessed date: 13.12.2019).
4. Constantelos D.J. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare*. New Brunswick, N.J., Rutgers university press, 1986. Available at: <https://ru.b-ok.xyz/book/3416904/72cb2c> (accessed date: 13.12.2019).
5. Janin R. *Constantinople Byzantine*. Paris : Institut francais d'etudes Byzantines, 1950. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1320440> (accessed date: 13.12.2019).
6. Komnina Anna. *Aleksiada (Alexiada)*, Anna Komnina, Per. s grech. i predisl., pp. 5-49 YA.N. Lyubarskogo. St. Petersburg, Izd-vo Aleteyya. 1996.
7. Marian G.S. *European Welfare State in a Historical Perspective. A Critical Review // European Journal of Interdisciplinary Studies*, 2015, June, pp. 25-38. Available at: <https://www.ejist.ro/files/pdf/391.pdf> (accessed date: 13.12.2019).
8. Shteyn Lorents. *Istoriya sotsial'nogo dvizheniya Frantsii s 1789 goda* (The history of the social movement of France since 1789), per. so 2 nem. izd. T. 1., Lorents Shteyn. *Osnovnoye ponyatiye obshchestva i sotsial'naya istoriya Frantsuzskoy revolyutsii do 1830 goda*. St. Petersburg, tip. A.M. Kotomitsa, 1872.
9. Stein L. v. *Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs; ein Beitrage zur Zeitgeschichte*. Leipzig: Wigand, 1848. Available at: <https://archive.org/details/dersocialismus01steiuoft/page/n8> (accessed date: 13.12.2019).
10. Stein L. v. *Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage*. Leipzig: O. Wigand, 1850. Available at: <https://archive.org/details/geschichtederso02steigoog/page/n14> (accessed date: 13.12.2019).
11. Stein L. v. *Handbuch der Verwaltungslehre und des Verwaltungsrechts: mit Vergleichung der Literatur und Gesetzgebung von Frankreich, England und Deutschland, als Grundlage fur Vorlesungen von Dr. Lorenz Stein*. Stuttgart: J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1870. Available at: <https://archive.org/details/handbuchderverw00steigoog/page/n7> (accessed date: 13.12.2019).
12. Guplowicz L. *Rechtsstaat und Sozialismus*. Innsbruck: Wagner'schen Universitaets-Buchhandlung, 1881. Available at: <https://archive.org/details/rechtsstaatunds00gumpgoog/page/n13> (accessed date: 13.12.2019).

13. Stein L. v. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands. Stuttgart: J.G. Kotta, 1876. Available at: <https://archive.org/details/gegenwartundzuk00steigoog/page/1> (accessed date: 13.12.2019).

14. Stein L. v. Die Verwaltungslehre. Bd. 2 (2, 1). Stuttgart, J.G. Kotta, 1866. Available at: <https://archive.org/details/dieverwaltungsl01steigoog/page/n9> (accessed date: 13.12.2019).

Received: 03.02.2020